

есть «бытие, которое больше себя самого», окно в иной мир.

Неисчерпаемый символический потенциал сакрального делает его обязательным средством создания социальных символов практически всех уровней, в том числе, конечно, важным механизмом легитимации социальных порядков. Причем, как показали такие исследователи глубинных общественных функций религии, как Эмиль Дюркгейм и Томас Лукман, символические универсумы социальных порядков всегда сакрализованы. Поэтому со всей определенностью можно говорить о том, что священное стоит в центре, объединяет любую социокультурную систему, делает «очевидным», непроблематизируемым ее ценностно-смысловой каркас.

В таком случае нетрадиционные формы сакрального помимо прочего легитимируют новую социокультурную реальность. Это означает, что сакрализованные смыслы не просто отражают, а концентрируют в себе новую картину мира.

В итоге логика нашей аргументации позволяет сделать предварительный вывод (он нуждается в детализации и проверке данными эмпирических исследований) о том, что по большому счету роль сакрального в жизни обществе никогда радикально не снижается. Но при этом могут кардинально меняться формы самого сакрального. Большинству

концепций секуляризации этот тезис противоречит лишь отчасти, поскольку сам процесс «обмирщения» можно понимать по-разному. В рамках нашего подхода понятие секуляризации необходимо уточнить, конкретизировав его привязкой к трансформациям сакрального.

Секуляризация – это не снижение роли сакрального вообще, а переход от доминировавших в течение долгого времени образа и практики священного как святого к «низкому» (с точки зрения монотеистических религий) сакральному магического типа. Хотя в то же время – и это еще раз подчеркиваем многогранность термина «секуляризация» – допустимо и практически противоположное утверждение: распространение нового трансформированного сакрального, а с ним и нетрадиционной религиозности вообще на фундаментальном социокультурном уровне все же означает углубление процесса секуляризации. Причем не только потому, что имеет место отход от трансцендентного священного, уменьшается его влияние на жизнь общества, но и потому, что собственно религиозное миропонимание здесь исчезает, трансформируясь в магию.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. – М.: Академический Проект, 2007. – 335 с.

М.А. Фадеечева

НАЦИЯ КАК ИЛЛЮЗИЯ

**Фадеечева
Марианна
Альфредовна**

доктор политических наук Академик МАДИ, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Время постмодерна с его атрибутами, то есть коренными, неотъемлемыми свойствами, к числу которых можно отнести множественность суб-

культур и перманентную изменчивость, когда по принципу Кратила «даже один раз нельзя войти в одну и ту же реку», предъявляет особые требования в отношении современного государства как такового. В условиях глобального мира и интенсивных трансграничных миграций для большинства государств в ходе неорганической модернизации построение сообщества является принципиально важной задачей. Без поддержания устойчивости сообщества не только невозможно развитие, но невозможно управление, а также само существование суверенного государства.

Применительно к предыдущей исторической эпохе – эпохе модерна была найдена адекватная форма политической общности – нация. Эта

проблематика достаточно представлена в исторических и политологических исследованиях, где вполне определенно становление европейских наций связано с развитием буржуазных общественных отношений и демократическими революциями. Известны и законодатели политической моды на нацию, когда суверенитет народа пришел на смену династическому суверенитету, когда люди из подданных превратились в граждан. Социально-политический феномен был осмыслен и оформлен в концепт нации. Этот концепт оказался работающим и настолько привлекательным в своей эвристичности и политической востребованности, что был распространен не только на европейские государства, но и на все государства, которые в международном политическом дискурсе в течение всего XX века и до настоящего времени представляются как национальные государства или государства-нации. Слово «нация», добавленное через дефис, добавляло легитимности всякой власти, независимо от формы правления и политического режима, оно было призвано убедить народ в том, что власть правит от имени и в интересах народа.

Однако сложившийся мировой порядок не остался неизменным. Появились новые государства, новые политические акторы, усомнившиеся в установленных принципах международных отношений и правилах внутригосударственной жизни. Усложнилась задача выражения национальных интересов на международной арене, поддержания внешнего и внутреннего суверенитета. В связи с ростом числа политических субкультур возникли проблемы с утверждением общегражданских, всеми разделяемых ценностей внутри государств. Политические ценности оказались также релятивны, изменчивы, текучи и многовариантны, как и другие стороны жизни постмодерных обществ. В связи с этим процесс легитимации власти посредством продвижения концепта нации и конструирования феномена нации приобрел весьма противоречивый характер.

В плане осмысления новой ситуации в соответствующей отрасли политологического знания знаковой, почти культовой, явилась монография: Anderson B. *Imagined Communities. Reflection on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983, которая была переведена на русский

язык и издана в Российской Федерации через восемнадцать лет: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с. Понимание нации как воображенного сообщества, с точки зрения автора монографии, проистекает из понимания парадоксальной сущности национализма. Б. Андерсон выделяет три таких парадокса: во-первых, объективная современность наций в глазах историка, с одной стороны, и их субъективная древность в глазах националиста, с другой стороны; во-вторых, формальная универсальность национальности как социокультурного понятия (в современном мире каждый имеет национальность так же, как имеет пол), с одной стороны, и партикулярность ее конкретных проявлений, с другой; в-третьих, политическое могущество национализмов, с одной стороны, и их философская нищета и несогласованность, с другой. Исходя из выявленных парадоксов национализма, Андерсон предлагает свое определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Дефиниция нуждается в объяснении, в чем заключается воображенность, и чем определяется ограниченность. Это объяснение автор представляет в исчерпывающем, легком для понимания читателя виде. Во-первых, это воображенное сообщество, поскольку его члены никогда не будут знать своих братьев по нации, встречаться с ними или слышать о них, однако в сознании каждого живет образ их общности. Во-вторых, нация воображает себя ограниченной, так как даже самая крупная имеет границы, за которыми находятся другие нации. В-третьих, нация воображает себя суверенной, так как данное понятие возникло в эпоху Просвещения и Революции, разрушивших легитимность иерархического династического государства. В-четвертых, нация, несмотря на то, что в каждой нации существует фактическое неравенство и эксплуатация, воображает себя как сообщество, как глубокое горизонтальное товарищество. И, наконец, Андерсон пишет, что именно это воображенное политическое сообщество, это братство на протяжении двух последних столетий дает многим миллионам людей возможность не

столько убивать, сколько добровольно умирать за такие ограниченные продукты воображения.

Ссылки на эту монографию в отечественной политической науке появлялись до ее выхода в переводе на русский язык. В частности, – в статье В.А. Тишкова «Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма)», опубликованной в № 3 журнала «Вопросы философии» за 1998 г. Кроме того, в этой статье автор приходит к собственному выводу, что нация не представляет собой научную категорию и должна быть устранена из языка науки и политики, что нация – это метафора, которая обрела слишком большую эмоциональную и политическую легитимность, поэтому она не может быть категорией анализа, то есть не может быть научной дефиницией. Более того, понятие нации он относит к известному в лингвистике и семиотике явлению – проблеме слова-призрака (ghost word), когда слово возникает по недоразумению из-за ошибки писца или опечатки в словаре. И чтобы выйти из смыслового тупика, был предложен «нулевой вариант»: или все этнические общности могут называть себя нациями, или никакие.

Достаточно было только названий монографии Б. Андерсона и статьи В.А. Тишкова, чтобы вызвать крайне негативную реакцию со стороны сторонников постсоветского примордиализма. Постсоветская версия примордиалистского понимания нации в теоретико-методологическом и идеологическом отношениях существенно уступает своей советской предшественнице. Из материалистической теории она превратилась в вульгарно-материалистическую. Исторический и классовый подход сменился антиисторическим и бесклассовым, с позиций которого нации представляют собой вечные неизменные сущности, кровнородственные общности, обладающие высшей ценностью и стремящиеся обрести свою государственность. То же произошло и с пониманием национализма. Советские критики национализма определяли его как буржуазную политику и идеологию в отношениях между нациями. Они резко осуждали национализм империалистической буржуазии с его крайними проявлениями – расизмом и шовинизмом, как орудие реакционной политики. На основании классового подхода, в освобождавшихся от коло-

нальной зависимости странах, выделялся «хороший» национализм, имевший прогрессивную сторону и общедемократическое содержание. Однако в условиях социализма национализм был признан вредным пережитком. В постсоветском примордиализме национализм, несмотря на его (по Андерсону) нищету и пустоту, является системообразующим принципом в «теоретическом» отношении и «священной коровой» в отношении политическом. В постсоветском примордиализме нация и национализм из предмета научного анализа превращаются в предмет веры. В научной литературе достаточно полно представлены принципиальные различия примордиалистского и конструктивистского подхода к нации и национализму. Стоит заострить исследовательское внимание на том, что между ними не может быть диалога, не может быть научной дискуссии, так как они относятся к принципиально разным мыслительным парадигмам: фидеистической и рационалистической.

Во времена постмодерна в рамках рационалистической парадигмы и конструктивистского подхода зарождается сомнение не только в вечности и неизменности наций как кровнородственного феномена, но и в гражданской нации как высшей форме социально-политической общности людей. В постмодерных обществах из воображенного, виртуального сообщества как возможного, такого, которое может или должно появиться, нация все более превращается в иллюзорное сообщество – обманчивое, призрачное, кажущееся. Она превращается в иллюзию общности – ошибочное представление, вызванное вольным или невольным обманом политических чувств. Нация как иллюзия представляет собой в политическом сознании искаженное восприятие действительности, является как нечто, виденное в прошлом, а в будущем – необоснованная надежда и несбыточная мечта.

Превращение нации из воображенного сообщества в иллюзию общности обусловлено целым рядом социально-политических обстоятельств. Прежде всего, меняется та объективная реальность, которая была обозначена понятием «нация». Происходит возврат «якобы к старому», возврат к донациональному состоянию локальных территориальных и экстерриториальных сообществ с мобилизованной и полити-

зированной этничностью. Это именно возврат «якобы к старому», потому что донациональное состояние относится не к традиционному обществу, а возникает на новой основе в обществах постмодерна. То, что все современные государства представляют собой государства-нации – иллюзия и результат заблуждений европейского либерализма, проявление комплекса вины бывших колониальных держав, позволяющих относить к национальным любое государство, даже с абсолютно коррумпированной властью и бесчеловечным, вплоть до людоедского, режимом. Вместе с тем, в государствах с развитыми демократическими режимами происходит «усекновение» демократии, вытеснение демократии администрированием, утрачиваются качества гражданского и гражданственного поведения. В развивающихся демократиях и государствах с квазидемократическими политическими режимами распространяется конфликтная политическая культура, «черно-белое» политическое мышление, препятствующее формированию гражданской общности. Не последнюю роль в социально-политической разобщенности играет фактор увеличения этнокультурного и этноконфессионального многообразия населения. Существенной проблемой для современных государств, в особенности для государств, имеющих большую территорию и многочисленное население, представляется неодновременность и неравномерность развития их регионов с разным ресурсным потенциалом, темпами экономического развития, существенными различиями в уровне жизни населения. Внутри государственных границ заключены сообщества разного типа, живущие в разных темпоральных измерениях. Сложный комплекс причин приводит к усилению социальной напряженности, к нарастанию внутренних беспорядков и углублению конфликтов в пределах так называемых наций.

Можно утверждать, что всей истории возникновения и существования наций сопутствовали научные дискуссии, политические дебаты и обывательские споры о сущности наций и природе национализма. Не поддается подсчету количество определений нации и национализма, существующих в зарубежной «нациологической» литературе. Не меньшее, если не большее

их количество присутствует в отечественной науке. В основном, эти определения представляют собой парафраз на тему классического непревзойденного определения нации, сформулированного И.Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос», согласно которому нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

Однако современные «нации» не укладываются в прокрустово ложе определений и не в полной мере соответствуют набору необходимых «признаков», представляя собой список исключений из правила, что и приводит к известному выводу об имманентной дефективности дефиниции нации. Несмотря на развернутую систему доказательств того, что нация не может быть категорией политической науки, в этом возникает некоторое сомнение. Понятия и категории науки, в том числе политической, не вечны и неизменны, они носят исторический характер, то есть появляются в определенную историческую эпоху, схватывают конкретную объективную реальность, наполняются определенным содержанием и приобретают соответствующий содержанию объем. Забвение этой уставшей истины философии и формальной логики, вытеснение ее на периферию научного сознания, может привести к заблуждению. Проблема заключается не в том, что то или иное понятие не может быть научным понятием, а в том, что его невозможно применить в традиционном, исторически сложившемся понимании к изменившейся реальности. Категория нации в политической науке и политике постмодерна не выполняет тех функций, которые она выполняла со времен ранних буржуазных революций, а феномен современных государств не укладывается в концепт национального государства в его классическом понимании. Понятие нации исторически ограничено. Понятие нации превращается в понятие с пустым объемом, потому что исчезает нация как объективная социально-политическая реальность: в постмодерне живут не нации, а части несчастной человеческой популяции, разделенной государственными границами.